

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.		Стр.
✓ Засѣданіе первое (22-го декабря 1867 года).....	1—3	✓ Крест. С. А. Дударева, сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи.....	71—76
✓ Ст. Верковича, описаніе быта Болгаръ населяющихъ Македонію.....	3—18	Засѣданіе девятое (1 ноября 1873 года).....	76—77
✓ Н. Г. Керцелли, о появленіи ламазма въ Забайкальи и о вліаніи его на бытовую жизнь Буртаткочевника.....	18—21	Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 годъ.....	77—83
✓ Засѣданіе второе (20 апрѣля 1868 года).....	21—26	✓ Н. Г. Керцелли, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Буртатми.....	84—87
✓ Объ этнографическихъ трудахъ московскаго митрополита Иннокентія.....	26—29	✓ Е. В. Барсова, сѣверныя сказанія о лемболхъ и удѣльничихъ.....	87—9
✓ Юс. Калоусека, обзоръ этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....	30—40	Засѣданіе десятое (29 января 1874 года).....	91—93
✓ Засѣданіе третье (12 октября 1868 года).....	40—41	✓ Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края.....	93—95
✓ Св. ащ. А. Приѣрова, одежда каменно-бродскихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи.....	42—44	Засѣданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года)....	95—100
✓ А. К. Антонинова, Домашній бытъ маріупольскихъ Грековъ.....	44—47	✓ Е. П. Добрянкиной, обычай хороненія Костромн въ Муромскомъ уѣздѣ.....	100—104
✓ Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....	47—48	✓ Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народнаго двоевѣрія.....	105—108
✓ Засѣданіе четвертое (27 марта 1869 года).....	48—55	Засѣданіе двѣнадцатое (23 апрѣля 1874 года)....	108—110
✓ Засѣданіе пятое (9 октября 1869 года).....	55—62	✓ Е. В. Барсова, Юрьевъ день.....	110—114
Засѣданіе шестое (12 октября 1870 года).....	63	Квашнина-Самарина, о кладонскателяхъ и владахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.....	114—118
у Е. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи.....	64—68		
Засѣданіе седьмое (4 октября 1871 года).....	68		
Н. Г. Керцелли, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самоѣдахъ.....	69—71		

раннихъ вмѣ въ тѣхъ же стравахъ. Каталогъ ихъ въ настоящее время изданъ. При семъ предсѣдатель сообщилъ, что г. Пинару посланы нѣкоторыя изъ изданій Общества. Определено: записать о семъ въ протоколъ.

6. Предсѣдатель сообщилъ свой отзывъ о присланной въ отдѣлъ В. Сперанскимъ статьѣ: «Первоверховное божество восточныхъ славянъ - язычниковъ.» Указавъ на то, что въ религіяхъ многихъ первобытныхъ народахъ главное мѣсто занималъ культъ солнца, авторъ идя по пути, указанному изслѣдованіями покойнаго Афанасьева, доказываетъ, что у восточныхъ славянъ культу солнца подчинялись въ началѣ всѣ другія вѣрованія, и съ этой точки зрѣнія объясняетъ пѣсню, слышанную имъ еще въ дѣтствѣ въ деревняхъ Подольской волости Владимірской губерніи и уѣзда:

„Солнышко—батьшко!
Выглянь, выглянь:
Твои дѣтки плачутъ,
На камешкѣ скачутъ,
Медокъ ковряють,
Тебя поминать.“

Вѣрованіемъ же въ солнце авторъ объясняетъ возникновеніе цѣлаго цикла праздниковъ, звѣстныхъ теперь подъ названіями каляды, масленицы, красной горки и Ивана-Купалы. Кромѣ того живучесть мнѣологическихъ вѣрованій въ солнце выразилась въ хороводахъ, свойственныхъ всей Россіи. Идею прекраснаго восточнаго славянина также выразилъ въ цѣломъ рядѣ сказокъ о солнцѣ; отъ солнца же переносилъ русскій народъ идею добра в милости на своихъ героевъ. Изъ идей о солнцѣ разви-

лись уже и дальнѣйшія мнѣніескія представленія у восточныхъ славянъ и олицетвореніе ихъ въ отдѣльныхъ богахъ. Въ заключеніи авторъ касается вопроса: въ какомъ быту могла появиться у восточныхъ славянъ пѣсня: «Солнышко батьшко», въ кочевомъ или осѣдломъ? и рѣшаетъ въ пользу осѣдлаго быта. Не смотря на то, что въ статьѣ встрѣчается нѣсколько довольно вѣрныхъ замѣчаній, она написана слишкомъ растопуто, переполнена безпрестанными отступленіями, въ конхъ говорится о религіяхъ восточныхъ народовъ, и въ общихъ выводахъ своихъ не представляетъ ничего особенно новаго. Определено: возратить статью автору.

7. Прочитана была статья члена сотрудника Общества Квашвина-Самарина: «О кладонскателяхъ и кладяхъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.» (Тверской губерніи). Определено: напечатать эту статью въ приложеніяхъ въ сему протоколу.

8. Секретарь отдѣла Е. Б. Барсовъ прочиталъ свой рассказъ: «На Онегѣ». Определено: благодарить г. Барсова за его постоянныя сообщенія въ засѣданіяхъ Отдѣла.

9. Предсѣдатель представилъ присутствовавшимъ въ засѣданіи восемь, уже совершенно отпечатанныхъ листовъ протоколовъ Отдѣла, причемъ заявилъ, что въ печатаемую нынѣ книгу «Трудовъ Отдѣла» войдутъ протоколы всѣхъ 12 засѣданій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе времени отъ 22 декабря 1867 года по 23 апрѣля 1874 года, и съ приложеніями къ нимъ, и что книга будетъ окончена печатаніемъ въ іюнь мѣсяцѣ. Определено: благодарить г. предсѣдателя за труды по редакціи оной книги, и цѣну послѣдней назначить въ 1 руб. 25 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ чествуется славный воевода, великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій—какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, а особенно у племенъ Славянскихъ. Сей Святый Витязь—на блѣломъ конѣ, красный взоромъ и храбрый душою, особенно прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змія, а по своему имени Георгій-земледѣлецъ—еще у Грековъ издревле считался покровителемъ земледѣлія и скотоводства.

Но тогда какъ на западѣ—почитаніе его ограничилось высшимъ классомъ общества,—у насъ въ

Россіи онъ сдѣлался самымъ извѣстнымъ—всемирнымъ Святымъ. Еще у нашихъ предковъ этотъ витязь извѣстенъ былъ подъ именемъ Егорья—свѣта бѣлаго, Егорья—свѣта храбраго, Юрья-чада милаго, весенняго—и самый праздникъ въ честь его назывался «Юрьевъ день».

Вскорѣ съ введеніемъ въ Россію Христіанства—сдѣлался извѣстнымъ у насъ и св. Великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій. Уже внукъ Святослава, Ярославъ Владиміровичъ, носилъ христіанское имя Георгія и въ 1032 году, строя города на Руси, онъ

основалъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особенная *Юрьевская епархія* (извѣстная съ 1072 г. и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, *во имя св. Георгія*, предъ вратами Софійскаго храма и, по освященіи ея митрополитомъ Иларіономъ 26 ноября, заповѣда по всей Руси творить праздникъ св. Георгія ноября 26 дня, какъ это было тогда у Грековъ. Въ XII и XIII вв. еще чаще встрѣчаемъ случаи, что наши князья, какъ удѣльные, такъ и великіе, украшаютъ себя именами св. Георгія. Особенно Юрій Долгорукой—чтилъ своего ангела-покровителя. Устроивъ сѣверовосточную часть великой Руси, проносясь по ней вдоль и поперекъ, въ теченіе двадцати двухъ-лѣтнихъ походовъ, отъ Приднѣпровья до Новгорода и отъ верховья и до низовьевъ Волги, строя города и ставя въ уѣздахъ села, онъ любилъ строить первыя церкви во имя своего ангела—сподвижника Георгія храбраго; точно также благодаря Новгородскимъ колонизаторамъ, во всемъ сѣверо-поморскомъ краѣ—основались во множествѣ Георгіевскіе погосты, Георгіевскіе храмы и престолы. Послѣ куликовской битвы въ сентябрѣ 1380 года, Дмитрій Донской, измѣнивъ гербъ Московскаго государства, повелѣлъ изображать «въ красномъ полѣ св. Георгія на бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змія». Изображеніе это стало русскимъ государственнымъ гербомъ и чеканилось на Московской монетѣ.

Церковь съ своей стороны, установивъ праздникъ въ честь великомученика Георгія 23 апрѣля, и восхваляя его, какъ непобѣдимаго страстотерпца, распространяла вмѣстѣ съ тѣмъ и византійское сказаніе о немъ, какъ умертвилъ онъ змія-Дракона и избавилъ отъ него дѣвицу царскую-дочь.

Такъ распространялось и утверждалось у насъ имя св. побѣдоносца Георгія и такъ составлялся и утверждался праздникъ въ честь этого великаго имени!

Но, кромѣ обще-государственнаго и церковнаго значенія, это имя имѣетъ еще значеніе народное. Для насъ всего важнѣе знать, какъ отражается нравственный образъ этого святаго въ наличномъ сознаніи народа, какъ понимаютъ и какъ относятся къ нему простые русскіе люди.

Съ именемъ и праздникомъ св. Георгія — донинѣ связаны въ народѣ самыя разнообразныя вѣрованья и обычаи. Одни изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды разныхъ мнѳологическихъ эпохъ, другіе напротивъ, относятся къ историческому эпосу. Въ глазахъ народа—Георгій Великомученикъ выступаетъ, какъ герой-полубогъ, какъ побѣдитель темныхъ силъ, какъ покровитель скота в нивы и русскій могучій богатырь, защитникъ и поборникъ земли Сваторусской.

Необыкновенно велики были страданія непобѣдимаго страстотерпца Георгія, по церковному сказанію,

и чудно было торжество благодатной его силы. Въ этихъ необыкновенныхъ страданіяхъ нашъ народъ увидѣлъ свои собственныя *страды*, тяжкія страды крестьянства, подъятыя имъ въ заселеніи и устроеніи земли сваторусской и въ борьбѣ съ погаными и бусурманами за вѣру крестьянскую; а въ этихъ чудесныхъ его побѣдахъ — свое собственное торжество надъ своими естественными и историческими врагами.

Житія сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ отчасти указываютъ, съ какими величайшими трудностями совершалъ народъ «земское устройство». Онъ долженъ былъ бороться съ лѣсами темными, съ чащами и дебрями непроходимыми, съ мхами Камскими и Поволожскими, съ водами быстрыми, глубокими и широкими; онъ долженъ былъ бороться и съ дѣлыми стадами дикихъ звѣрей—и съ Чудью бѣлоглазю, в съ Корелой проклятой — и съ бусурманомъ Татаринномъ—змѣемъ-Тугариновымъ.

Превосходно олицетворилъ онъ всѣ эти «*страды*» въ образѣ Георгія великомученика и побѣдоносца.

Назжалъ царице Бурдіянице,
Онъ невѣрный царь да Мудріянице.
.....
Онъ сталъ Егорья свѣта мучити...
Онъ ужъ сталъ Егорья топоромъ рубитъ.
.....
Егорья свѣта топоръ нейметъ...
Въ топору лѣзье да отвалилося.
.....
Онъ ужъ сталъ Егорья на води топить,
На води топить колесомъ вертѣтъ;
На води Егорей гоголемъ плыветь,
Гоголемъ плыветь, да онъ стихи поеть.
.....
Онъ повесть Егорья во чисто поле,
Онъ спустилъ Егорья во глубоку погребь—
И пошелъ невѣрный привѣсхвастался:
„Не бывать Егорью на святой Руси,
„Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
„Пеньемъ-кореньемъ призакачиванъ,
„Муравой травой замуравливанъ.
Прибѣжалъ добрый конь со чиста поля,
Катучіе камешки сповикатиъ,
Дубья-коренья сповиворотилъ,
Желты пески вѣтри повнесли!
Выставалъ тутъ Егорей на Святую Русь!
И строилъ тутъ Егорей Божіи церкви!..

Но еще любопытнѣе то, какъ Св. Георгій устраиваетъ свято-русскую землю...

Въ то время, когда земля русская была словомъ заказана, заповѣдана, когда по той землѣ ни пѣшъ человекъ не прохаживалъ, ни на конѣ никто по ней не проѣзживалъ, ѣдетъ къ ней на своемъ конѣ ретивомъ Св. Егорей храбрый.

Назжаетъ онъ, Егорей, на темни и дремучія лѣса
И хочеть онъ, Егорей, туто проѣхать, и туто проторити;

Нельзя Егорію, туто проѣхати,
Нельзя, храброму, туто и подумати.

Но вотъ сказалъ онъ вѣщее слово:

По его слову изростали гѣса темниа, раскидались по
всей землѣ Святорусской,
По крутымъ горамъ по высокімъ.
Вдѣтъ онъ дальше — и наѣзжаетъ „на горы на высокіе и
целоми окатисты“,
Хочетъ онъ Егорей туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити;
Нельзя, Егорью туто проѣхати,
Нельзя, храброму, туто и подумати.

Но вотъ, по его моленію, рассыпались горы высокія по степямъ, по полямъ по зеленымъ.

Наѣзжаетъ онъ дальше на волковъ на рыскачѣхъ
На гѣхъ ли звѣрей на рогатныхъ.—И также
Нельзя Егорію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто и подумати.

Егорей отсылаетъ ихъ въ степи и поля, и самъ имъ заповѣдуетъ:

А есть про васъ на съѣдомое
Въ поляхъ трава муравчатая,
А и есть про васъ на пойлице—
Въ рѣкахъ вода студеная.
Наѣзжаетъ онъ наконецъ
На то стадо змѣнное,
На то ли стадо на лютое.
Хочетъ онъ Егорей туто проѣхати.
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити
И стадо змѣнное возговорить:
Али ты, Егорей, не вѣдаешь
Что та земля заказана, заповѣдана,
Что по той ли землѣ свято-русской,
Пѣшь человекъ не прохаживалъ,
На конѣ никто не проѣзживалъ.
Воротися ты храбрый самъ назадъ,
Внимаешь тутъ Егорей саблю вострую
Нападалъ онъ на стадо змѣнное,
Посѣкъ-порубилъ стадо лютое.
Выходятъ тутъ къ нему красны дѣвцы,
И какъ тутъ ли ему проглаголютъ:
А тебя ли мы, Егорей, ожидаючи,
Держимъ народу великъ обѣтъ:
Отдать тебѣ землю свято-русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную.
Пріемлетъ тутъ Егорей
Тую ли землю свято-русскую
Подъ свой ли великъ покровъ—
Строятъ онъ церкви богомольни
И утверждаетъ онъ вѣру крещеную.

Таковы историческія черты Георгія Великомученика и побѣдоносца, отразившіяся въ народномъ сознаніи. На него страстоперца — перепесъ народъ свои собственныя великія *страды*, подъятыя имъ въ устроеніи земли русской и за вѣру крестьянскую — и въ лицѣ его побѣдоносца ликуетъ народъ свои собственныя побѣды надъ всѣми своими естественными и истори-

ческими врагами. Воспѣвая славу «Егорью Храброму» народъ поетъ свою *собственную Славу!*

Но кромѣ этого историческаго — богатырскаго образа, Св. Георгій храбрый носитъ въ народномъ сознаніи еще и мнѣческой ликъ. Ликъ этотъ узнаемъ мы отчасти въ народныхъ сказаніяхъ о немъ, отчасти въ томъ же народномъ пѣснотворествѣ, — а главнымъ образомъ въ бытующихъ донинѣ обрядахъ, относящихся къ Юрьеву дню и имѣющихъ свою основу въ чисто мифологическихъ представленіяхъ.

Вотъ какъ напр. рисуется его ликъ въ народныхъ сказахъ: «Молодой Егорій, — свѣтло-храбрый; по локоть руки — въ красномъ золотѣ; по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ; и во лбу солнце и въ тылу мѣсяцъ, по ковцамъ звѣзды переходящія». Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать древне-русскаго языческаго божества — и при этомъ божества свѣтлаго, каковымъ былъ Перунъ.

Въ одномъ стихѣ объ Егорѣ храброму, записанномъ нами въ Олонецкой губерніи — указывается на его космогоническое значеніе. Онъ представляется *побѣдоносцемъ той лютой зми*, которая служитъ *родоначальницей* — всего вѣчнаго и вреднаго. Онъ Егорей

Свелъ змию во чисто поле
И ударилъ ее о спру землю.
Тутъ разсыпалась земля на мелки куски,
На гаденшии, на червельшии
И на всякую нечисть.

Въ этомъ космогоническомъ представленіи кроется безъ сомнѣнія причина того, почему византійское сказаніе «о низложеніи Св. Георгіемъ Ливійскаго дракона», такъ по душѣ пришлось народу, что стало предметомъ его пѣснопѣній и распространилось по всей Руси отъ конецъ земли по конецъ земли. Естественно, народъ перенесъ затѣмъ на Св. Георгія побѣдоносца и прочія свойства главнаго свѣтлаго божества Перуна.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ во многихъ приходкахъ въ Егорьевъ день дѣлаютъ такой завѣтъ: «Егорей — свѣтъ храбръ дай росу, тихую да смирную — и сохрани мою скотинку — нынѣшнимъ лѣтомъ, а я *завичаю* тебѣ въ день Ильи свѣта пренодобнаго барана, или корову или лошадь.» Такимъ образомъ и Егорей — свѣтъ храбрый и Илья свѣтъ преподобный (который въ изданныхъ нами причитахъ прямо называется *промовнымъ*) смѣшиваются народомъ въ одномъ и томъ же образѣ «Подателя тихой и смирной росы и Покровителя. О чемъ просятъ въ Егорьевъ день, за то благодарятъ въ Ильинъ день.

Какъ податель весенней живительной влаги, Св. Егорій называется въ народѣ водоносомъ. Золотыми ключами, взятыми съ неба, дѣлываетъ онъ замокъ — и пускаетъ теплую росу на всю святую Русь и на весь

бѣлый свѣтъ. Въ такихъ прекрасныхъ образахъ воспѣваютъ его бѣлоруссы:

„Святый Юрья, Божій посолъ,
„До Бога пашовъ;
„Узявъ ключи золотые,
„Атамкнувъ землю сырусеньку,
„Пусцивъ росу целюсеньку
„На Бѣлую Русь и на у весь святъ.

Эта Юрьева роса считается полезной для здоровья и въ Юрьевъ день заставляютъ дѣтей купаться въ лужахъ в котловинахъ. О безнадежно же больныхъ въ весеннее время говорятъ, что имъ *«не выйти уже на Юрьеву росу»*. Но особенно эта теплая, целюсенькая Юрьева роса благотворна и живительна для полей. 23-го апрѣля въ Малороссіи совершаютъ общіе крестные ходы на нивы и поля и простой людъ вѣрить, что въ это время «самъ Св. Юрій ходитъ по полямъ и родить жито.» А въ Сѣверозападной Руси въ Юрьевъ день крестьяне рано утромъ обходятъ засѣянные поля съ пирогами, водкою и другими съѣстными припасами, обтыкаютъ между косточками, сбереженными отъ пасхальнаго стола, или посыпаютъ ими тѣ мѣста, гдѣ растетъ «осока». При этомъ они поютъ:

„Юрій, вставай рано,
„Отинкай землю,
„Выпущай росу,
„На целное лѣто,
„На буйное жито,
„На ядристое,
„На полосистое,
„Людзямъ на здоровье!

Въ виду такого значенія св. Георгія въ сельскохозяйственномъ быту, съ Юрьевымъ днемъ связано не мало примѣтъ и наблюдений—относительно *урожаю и погоды*:

На Егорья морозъ—будетъ просо и овесъ;
На Егорья морозъ—подъ кустомъ овесъ;
На Егорья морозъ—гречи хороше;
Егорій съ лѣтомъ, а Никола съ кормомъ;
Егорій съ водой, а Никола съ травой и т. п.

Въ Егорьѣ храбромъ—одномъ изъ народныхъ стиховъ—ему усвоятся еще мнѣшескія черты отдаленной доисторической эпохи пастушескаго быта. Такъ Св. Егорій наѣзжаетъ, вмѣсто людей, на стада чудовищныхъ мнѣшескихъ животныхъ, на стада летучихъ змѣевъ и звѣрей рогатыхъ; да и самыя пастухи этихъ стадъ носятъ чудовищный видъ и напоминаютъ собою мнѣшескія стихійныя существа.

„И пастыа стада три пастыра,
„Три пастыра, да три дѣвцы,
„На нихъ тѣла, какъ словая кора,
„Влазе на нихъ, какъ ковыль трава.

Впрочемъ, св. Георгію скотъ перешолъ во владѣніе уже отъ другаго верховнаго божества, котрому

подчиненъ былъ скотъ—Власевъ родъ. Такимъ божествомъ, какъ мы выше замѣтили, былъ, по народному воззрѣнію, Перунъ—отождествляемый съ Ильей Пророкомъ и Егорьемъ храбрымъ.

На это же указываетъ повсюдный всероссійскій обычай выгонять скотъ въ поле—не иначе, какъ вербой. Мнѣологи не безъ основанія утверждаютъ, что въ употребленіи этой вербы скрывается стародавнее преданіе о той вѣткѣ или дубинѣ, которая, по вѣрованію нашихъ предковъ, была принадлежностію Перуна. Тоже подтверждаютъ и обычай, наблюдаемые пастухами въ Юрьевъ день, когда выгоняютъ со двора скотъ; пастухъ обязанъ, въ числѣ другихъ обрядовъ—по одну сторону положить ключъ и по другую замокъ, а по спинѣ каждой скотины провести въ теченіи этаго дня или молотомъ, или топоромъ, или какимъ нибудь желѣзнымъ орудіемъ. Всѣ эти обычай, очевидно, связаны съ вѣрованіемъ въ то Божество, въ рукахъ котораго молотъ—символъ молній—ключъ и замокъ отъ земли сырусенькой, о которыхъ упоминается въ приведенной нами пѣснѣ.

Народъ вѣруеть, что св. Георгій 23-го апрѣля лично выѣзжаетъ въ поле на бѣломъ конѣ и охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей и волковъ—и потому въ честь его, въ его празднику, во многихъ мѣстахъ готовятъ изъ хлѣбнаго тѣста разныя изображенія коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ; или же дѣлаютъ ихъ изъ глины въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ. Онъ же, говорятъ, св. угодникъ слѣдитъ за пастухами и помогаетъ имъ и наказываетъ ихъ, а потому отпуская свой скотъ на пастбище, крестьяне въ Юрьевъ день окачиваютъ пастуховъ холодной водой, чтобы они были бдительнѣе при уходѣ за этими животными. Да и всякой пастухъ считаетъ своимъ патрономъ св. Георгія; обходя скотъ съ его иконой, пастухъ непремѣнно имѣетъ при себѣ такъ называемый и «*Божественный обходъ роюваго скота»*, въ коемъ умоляетъ св. Георгія за свой животъ и крестьянскій скотъ, власіевъ родъ. «Пошли Всемогущій Боже, читаетъ онъ въ одномъ изъ такихъ обходовъ, св. великомученика Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копьемъ на сохраненіе счтеннаго моего стада, крестьянскаго скота, милаго живота—отъ чернаго звѣря, медвѣдя и медвѣдицы, отъ звѣря широколапаго, насланнаго и жироваго, отъ одностнаго буреаго звѣря, отъ рыси и отъ рысики, отъ призору человѣческаго худаго глаза, отъ ползучаго змѣя, отъ вѣтра, надары, отъ падуція заразныя болѣзни, отъ лѣснаго, водянаго бѣса и бѣсики, отъ колдуна и колдуньи, отъ вѣщуна и вѣщунницы, отъ лиховаго глаза и лихія думы злаго человѣка, отъ чернеца и черницы, отъ бѣльца и бѣлицы, отъ попа и попады худого глаза, отъ дьякона и дьяконицы, отъ дьячка и дьячихи, отъ пономари и пономарихи, отъ просвири, отъ дѣвки простоволоски, отъ жены бѣ-

логоловки, русоголовки и черноголовки, отъ встрѣчаго, вслѣдъ идущаго и мимоидущаго худаго глаза человѣка. Закрой и защити Господи—раба Божья имрека пастуха и мое счетное стадо коровье, конное и овечье святымъ храбрымъ Георгіемъ».

Къ тому же св. Георгію обращаются съ молитвами и въ случаяхъ скотской заразы и падежей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нов. губ.) въ подобныхъ случаяхъ устраиваютъ за селеніемъ большія ворота, убираютъ ихъ полотенцами и вверху надъ ними ставятъ мальчика съ иконой св. Георгія; а внизу подъ воротами вырываютъ яму, добываютъ живой огонь—черезъ треніе дерева о дерево, разводять—его въ вырытой ямѣ и за тѣмъ въ ворота прогоняютъ весь скотъ. Этотъ живой огонь св. Георгія посылаетъ ходячую заразу.

Таковъ св. Георгій съ побѣдными и живительными силами Перуна!

Извѣстно, что еще до принатія Русью христіанства, и въ Греціи и въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи, Иллиріи и Черногоріи—считали св. Георгія покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Въ самомъ византійскомъ сказаніи о св. Георгіи есть указанія на эти особенныя черты его покровительства. Такъ въ житіи его повѣствуется, что однажды онъ оказалъ помощь какому—то пахарю простецу Гликерію, возвративши къ жизни вола, упавшаго съ обрыва въ дебрь и убившагося до смерти. Точно также читаемъ въ Прологахъ, что овъ однажды чудеснымъ образомъ возвратилъ одной бѣдной вдовѣ овцу, проданную пастухомъ; наказалъ за это пастуха укушеніемъ змія, а потомъ чудесно возвратилъ ему здоровье, наставивъ его быть внимательнѣе къ своей обязанности. Имѣя это въ виду не трудно понять, какъ легко мнѣшескій образъ Перуна могъ быть перенесенъ въ народномъ сознаніи на св. Великомученика и побѣдоносца Георгія.

Наконецъ, намъ остается упомянуть еще объ одной

особенности въ народномъ почитаніи этого угодника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Руси, подобно тому какъ въ Сербіи, считаютъ его покровителемъ невѣстъ, и потому въ Юрьевъ день дѣвцы особенно наряжаются, идутъ въ церковь и молятся св. Георгію о дарованіи имъ жениховъ. Вѣрованіе это, кажется, связано съ византійскимъ сказаніемъ о томъ, какъ св. Георгій спасъ царскую дочь отъ Ливійскаго дракона. Въ нашемъ народномъ стихѣ, воспѣвающимъ это событіе, чрезвычайно картинно выражается это сочувствіе молодаго витязя къ молодой дѣвцѣ, которую отецъ и мать обрекли было на съѣденіе лютаго дракона.

Вотъ показалась лютая змѣя
И дѣва стала будить добра молодца,
Но не могла разбудить и жалобно расказалась!
Мнѣ не жаль головы, говорить, лебедина,
Мнѣ жаль головы да молодецкія,
Выпала слеза изъ права глаза,
На его личико на бѣлое.
Пробудился тутъ добрый молодецъ;
Что же ты, красна дѣвица,
Будить не будишь, а огнемъ палишь?
Тутъ садился онъ на добра коня,
Сталъ онъ лютую змѣю конемъ топтать,
Ай конемъ топтать, да копьемъ колоть.—

Остается припомнить, что нѣкогда, до временъ перваго прикрѣпленія у насъ крестьянъ къ землѣ, Юрьевъ день былъ однимъ изъ сроковъ для перехода земледѣльцевъ съ усадьбы одного землевладѣльца на усадьбу другаго. Память объ уничтоженіи этого срока указами Бориса Годунова сохранилась и до сихъ поръ въ пословицѣ народа, опять нынѣ свободнаго:

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“

И такъ Юрьевъ день — день знаменательный въ русской народной исторіи, день важный—въ обычномъ ходѣ жизни природы, день равно драгоцѣнный и для пастуха, и для земледѣльца, и для красной дѣвцы!

II. О КЛАДОНСКАТЕЛЯХЪ И КЛАДАХЪ ВЪ ЗУБЦОВСКОМЪ УѢЗДѢ.

Немного можно найти мѣстностей въ Россіи, которыя были бы такъ раздроблены въ удѣльную эпоху, какъ Зубцовскій уѣздъ. При своей весьма ограниченной территоріи, онъ дѣлился въ старину на четыре совершенно самостоятельныя части, изъ которыхъ двѣ въ свою очередь дробились самымъ равнообразнымъ способомъ. Въ то время, какъ его сѣверо-западная часть, то есть самый городъ Зубцовъ съ округомъ, составляла почти всегда волость великаго княженія Тверскаго и только однажды получила особеннаго князя, сѣверо-восточный уголъ былъ занятъ

Дорогобужскимъ удѣломъ съ городомъ Дорогобужемъ Тверскимъ (нынѣ село Дорожаево) и нѣкоторыми другими городками, въ которыхъ сидѣла младшая линия Тверскихъ князей—Тверскіе Константиновичи, потомки младшаго сына св. Михаила. На юговостокѣ находилось Новгородское поселеніе Погорѣлое Городище (ранѣе Ховрачъ или, если вѣрить преданію, Держиславъ), тянувшее со свѣмъ околоткомъ къ Волоку Ламскому, а югозападъ: Асуга и Вазуза, были во владѣніи князей Оминскихъ, младшей вѣтви Смоленскихъ. Городами ихъ были: Оминское городище, при